

А что я? молитва моя

ואני תפילתי

Соединиться с собой • Соединиться с Творцом • Момент духовного переживания

Выпускается махоном «Сила связи» (Оцма шэль кешер) Под председательством: гагаон гагадоль рабби Исраэль Танс шлита Под руководством: р. Давид Анапольский шлита, р. Йосеф Хаим Эльбойм шлита

Молитва в свете главы - рав Йосеф Хаим Эльбойм

Прослушайте весь урок на иврите или идиш — на линии

«Кав ha-Оцма-Ваани Тфилати 074-79-64-886/5/2 (ואני תפילתי - וקו העוצמה)»:

Кто действительно сражается?

Что общего между молитвой и войной? Что означает «тысяча на молитву» («אלף» в войне с Мидьяном? И почему царь Давид постановил, что «сидящий у припасов» («היושב על הכלים») приравнивается к «идушему на войну» («היורד למלחמה»)? В пасуке о войне с Мидьяном (Бамидбар 31:4) говорится: «Тысяча от колена, тысяча от колена, от всех колен Израиля» («אלף למטה, אלף למטה לכל מטה ישראל»). Мудрецы спрашивают: почему дважды? А далее написано: «И были переданы из тысяч Израиля...» («וימסרו מאלפי ישראל»). Ми-драш объясняет: «Тысяча от колена» («אלף» — «למטה») — воины в поле; ещё «тысяча» («אלף» — «למטה») — охраняют припасы; А из тысяч Израиля («וימסרו מאלפי ישראל») — это тысяча, посвятившая себя молитве. По другому мнению: всего было 24 тысячи — тысяча на сражение, тысяча на молитву. Три группы — и все они неотъемлемая часть общей битвы. Мудрецы учат это из пасука из Шир ha-ширим: «Твои зубы как стадо овец, поднимающихся из купальни... все они парные, ни одной недостающей» («שינייך כעדר הקצובות שעלו מן הרחצה, שכולן מתאימות ושכולהם זכרים»). Молящиеся — это «зубы, как стадо овец» («שינייך כעדר הקצובות») — молящиеся устно, чётко, стройно. Воины — «поднимающиеся из купальни» («שעלו מן הרחצה»), как сказано: «Возрадуется праведник, увидев мщение — свои стопы омоет в крови нечестивца» («ישמח צדיק כי הזה נקם, פעמיו ירחץ») — очищение мира от зла, как купание. Все «парные», все - близнецы. На каждого воина — был один молящийся. И поэтому сказано:

«И не было ни одного, чтобы не хватало (отсутствовал)» («ולא נפקד ממנו איש») — никто не погиб («ושכולה אין בהם»)

Сидящий у припасов - это тот, кто молится

Когда Давид вышел на войну, часть осталась охранять лагерь. После победы бой-

цы хотели получить весь трофей. Но Давид постановил (Шмуэль I, 30): «Одинаковая доля будет у идущего в бой и у сидящего у припасов — вместе поделят» («במלחמה ובחלק ה'ישב על הכלים - יחדו יחלקו»). Почему? Потому что война Израиля — не как у народов. Она не выигрывается мечом, а — силой молитвы, очищения и намерения. Всем понятно: от качества меча и пищи бойца зависит исход. Точить мечи, готовить еду и воду — забота «сидящих у припасов». Но всё это — аллегория: истинные «сидящие» — это сидящие в шатрах, «сидящие в доме Твоём» («יושבי ביתך, יושב אהלים») — те, кто укрепляют духовную мощь. «Моим мечом и луком» («בחרבי ובקשתי») — это «моей молитвой и мольбой» («בצלותי ובעותי»). Они получают долю не потому, что помогли. Нет — без них не было бы победы. Как объясняет Мальбим: Давид обучил народ, что поскольку победа — это победа Всевышнего («נצחונו של מקום»), то хидуш [сегодня сказали бы - месседж] в том, что воины получают долю тоже, хотя основная битва — это битва «сидящих у припасов», то есть молящихся.

Истинное поле боя - духовное

Яков не боялся Эсава после победы над его ангелом («שרו של עשו»). Моше не боялся Ога — после того, как Всевышний показал, что скрюченный ангел Ога лежит у Его ног («שרו כפוף תחת רגלי»). В походе на Мидьян ни один не погиб («לא נפקד ממנו איש»), потому что все были связаны с Небом. Мы должны помнить: кто молится — тот и есть насто-

ящий воин. Именно он решает исход. Воины - «поднимаются из купальни» («עולים מן הרחצה») благодаря «зубам твоим, как стадо овец», парами как близнецы, и тем не менее, хотя они «близнецы», одного из них - молящегося - Тора ставит по значимости на первое место.

Хлеб - как оружие войны

Святые книги учат: «лекем» (хлеб) — от слова «милхама» (война). Не только потому, что за пропитание нужно бороться, но потому что всякое материальное усилие — это война.

И в наше время есть разделение ролей: Кто-то выходит в обычный мир (שווק) работать (по указанию раввина) — физический воин (הלוחם הגשמי), а кто-то остаётся в учёбе, мире Торы (עולמה של תורה) — духовный воин (הלוחם הרוחני). А иной — сам совмещает: половина дня на учёбу, половина — на работу, и тем самым он реализует модель: «тысяча из колена, тысяча из колена» — для физических усилий и для духовных.

Как быть угодным в глазах Всевышнего?

Рав Хаим Шмулевич זצ"ל говорил: «Так же как нужно стараться зарабатывать, нужно при этом стараться в заработке быть угодным Всевышнему». Что такое «благословенный хлеб»? Это хлеб, связанный с угождением Всевышнему — через Тору, мо-

מתוך הכרת הטוב לשותפים הדקרים שבנותם כולנו זוכים בשבע זה להטות שאר התפילה וקרבנה בגליון זה
אנו מבקשים מהקוראים להשתדל בלג' להזכיר שמות אלו להצלחה וישועה בכל משאלות
לבם לטובה.

ורע של קימא
איתמר בן דינה
שמחה בת אליס

להצלחה בכל
יצחק יהודה לב ארי
שימריה בת דינה

לרפואה שלמה
אנה בת צילה
יהודה בן חגית

כל הזכויות העצומות מחוזק בתפילה וקירוב הלבבות של מאות יהודים לאבינו ית' יעמוד שווה בשווה לכל השותפים בהחזקת והפצת הגליון השבועי ויזנו לישועה והצלחה כבירה וימלאו כל משאלות לבם לטובה במהרה

литву и намерение.

Даже если человек работает с целью заработать – то если его труд сопровождается духом, это война за достижение поставленной цели [в рамках этого духовного сопровождения], а не просто борьба за выживание.

Между теснин – и какая связь между Йерушалаимом и хлебом?

В Биркат ha-Мазон мы говорим: «Смилуйся, Ашем, Б-г наш, над Израилем... и над Йерушалаимом, и построй его вскоре, во дни наши» (רַחֵם ה' אֱלֹהֵינוּ עַל יִשְׂרָאֵל עַמָּךְ, וְעַל יְרוּשָׁלַיִם עִיר הַקֹּדֶשׁ בְּמַהֲרָה וְיִבְנֶה יְרוּשָׁלַיִם עִירָךְ... וְיָשֻׁבוּ יְרוּשָׁלַיִם וְיִבְנֶה יְרוּשָׁלַיִם עִירָךְ), а сразу после этого: «И, пожалуйста, не принуждай нас к дарам и займам от людей» (וְנָא אַל תַּצְרִיכֵנוּ, לֹא לִידֵי מַתָּנָה בִּשְׂרָרָה וְנָא אַל תַּצְרִיכֵנוּ, לֹא לִידֵי הַלּוּאָתָם «וּדָם וְלֹא לִידֵי הַלּוּאָתָם»). Какая связь? причём тут еда? Мудрецы объясняют: Когда Йерушалаим построен — изобилие спускается через него. Когда есть Храм — пропита-

ние идёт напрямую и свято, как во времена царя Шломо: «Серебро не считалось за что-то» (הַכֶּסֶף לֹא נִחְשָׁב לְמֵאֻמָּה) (Млахим I, 10). Но в изгнании кажется, что пропитание — от народов мира, будто мы «едим с их стола» (אֲנַחְנוּ נִזְוֵנִים מִשׁוֹלְחָנָם). Поэтому мы молимся: Смилуйся над Йерушалаимом! (שׁוּב בְּרַחֲמֶיךָ לְיְרוּשָׁלַיִם). Ведь когда он будет восстановлен — вернётся не только Храм, но и естественный физический источник пропитания.

Строительство Йерушалаима – исправление изобилия

Когда мы говорим: «Рахем... увне Йерушалаим» (רַחֵם ה' אֱלֹהֵינוּ... וְיִבְנֶה יְרוּשָׁלַיִם), мы стремимся не просто к обновлению каменных стен — а к исправлению порядка мироздания. Мы молимся не только за крышу над головой и хлеб: а за восстановление прямой связи между

Небом и Землёй, между благословением и его Источником, между Йерушалаимом и столом каждого еврея.

В дни «между теснин» – что мы делаем?

В эти дни Бейн ha-мецарим, когда мы говорим «Рахем... на Йерушалаим» (רַחֵם עָלֵינוּ יְרוּשָׁלַיִם),

мы не просто скорбим по разрушенному зданию — мы тоскуем о внутреннем царстве:

изобилие, приходящее через Храм, хлеб, ставший хлебом веры, воины и молящиеся — полные соучастники процесса Геулы (הַגְאֻלָּה).

Первый шаг — осознать: даже когда я работаю, зарабатываю, учу, молюсь, даю урок —

я — воин. А настоящая победа — когда мы вместе, согласованно, «и все они — парные».

Спасение – во множестве советников

Рав Исраэль хар Кесеф — из работников сферы образования «Ихуд бней ha-йешивот». Огорчение по поводу «бейн ha-мецарим» (בֵּינֵי הַמְּצָרִים)

Вопрос:

Шалом, рав Исраэль, у меня к вам вопрос, от чистого сердца: можно ли в наше время по-настоящему ощущать «траур» по разрушению? Я, конечно, спрашиваю не про цадиким или великих Израиля, а про обычных людей. И это не только вопрос про период трёх недель — «бейн ha-мецарим». Это затрагивает вообще всю нашу молитву — она вся построена на теме разрушения (הַחֲרוּבָה): треть «Шмоне эсре», половина «Биркат ha-мазон», а в Йом Кипур — это вообще охватывает всю молитву. Есть ли путь по-настоящему соединиться с этим?

Ответ:

Когда мне выпадает возможность поговорить с бахурим или аврехами [учащиеся в течение целого дня, соответственно неженатые и женатые, учатся в рамках соответственно йешив или колелей – прим. перев], я слышу, что три недели вызывают тяжесть на сердце. В основном наблюдаются два типа реакции:

1.Группа «ну, когда уже это закончится» — те, кто как бы вздыхают: «Уф, такое время... не знаю... пусть бы уже прошло и всё». Это подход, который меньше выражает уважение к этим дням, и он чаще всего возникает из ощущения пустоты или эмоциональной трудности подключиться. Грустно это видеть, но это существует.

2.Те, кто по-настоящему ищут — они не игнорируют этот период, а испытывают разочарование. Они чувствуют, что хотят что-то почувствовать — но не могут. Что-то заблокировано. Они кружат вокруг самих себя, спрашивая: «Почему у меня этого нет? Почему мне это не важно на самом деле? А если важно — почему это не ощущается?» Это им больно. Больно — потому что они хотят связи, но чувствуют себя вне её.

Почему это не откликается?

Потому что мы просто не можем представить себя внутри этой истории. Как если бы вы сказали бахуру из йешивы: «Через

десять лет ты станешь раввином Иерусалима». Он не сможет воспринять это. Почему? Потому что он никогда даже не представлял себя раввином квартала (רב שכונה). У него нет никакой близости к этому в своём воображении. Более того — это пугает. Представь, что тебе скажут, что завтра ты станешь «рав Хаим Каневски, זצ"ל». Ты больше не будешь собой. Это почти как смерть. Кто я внутри этого? Это настоящая тревога. Я не могу вообразить себя без своей личности.

И в этом-то и проблема. Как вы хотите, чтобы я оплакивал нечто, о чём у меня нет вообще никакого представления? У меня нет инструментов. Нет сопричастности. Нет даже базового образа, соединяющего меня с этим.

Факты на местах

Факты, которые можно наблюдать: «да, нам не всё равно» — и это не теория. Сама реальность доказывает: в Тиша бе-Ав ощущается иная атмосфера, в Рош ha-Шана, когда мы говорим «Авину Малкейну, раскрой славу царства Твоего» (אבינו מלכנו גלה) — нечто в сердце сдвигается, нам не всё равно. Чувство существует. Ему просто нужно дать место.

Траур — это прежде всего осознание нехватки. Ты знаешь, что тебе чего-то не хватает. Это реальность — ты этим живёшь. Даже если ты не рыдаешь. И потому даже бахур или аврех, который «ничего не чувствует» (שום דבר) в «бейн ha-мецарим» — сам тот факт, что он хочет почувствовать (רוצה), уже говорит о том, что он ощущает нехватку — это само по себе уже чувство траура.

Что такое траур на самом деле?

И здесь мы подходим к первой глубокой точке: траур — это не буря эмоций (אבלות היא לא רגש סוער). Мы привыкли представлять траур как эмоциональный шторм — люди сидят на полу, не могут говорить, не могут есть. Но в большинстве случаев траура это вообще не так.

Ты приходишь утешить кого-то — он говорит, вспоминает, царит спокойствие, иногда даже появляется улыбка. Но... он действительно в трауре. Нет сомнений. Потому что траур — это на самом деле восприятие состояния. Понимание того, что ты потерял что-то. Что у тебя есть нехватка (שיש לי חסר).

Даже после тяжёлых трагедий, даже при утрате сына — не всегда это сопровождается «бурей эмоций». И всё же — нет сомнения: траур присутствует.

Осознание: «мне чего-то не хватает, я потерял без него» — это и есть сердце траура.

Так и здесь — факт, что мы не падаем в слёзы, не рушимся — ничего не значит.

Если мы знаем, ощущаем, понимаем: «что-то не в порядке в мире» (משהו לא בסדר בעולם) — это уже траур.

Чувствовать — без чувств?

Почему это не ощущается как «траур»? Потому что мы не знаем, как переводить духовную боль в чувство (איך מתרגמים כאב רוחני). Мы знаем, как чувствовать гнев, досаду, разочарование — когда нас оскорбляют, когда мы голодны, когда потеряли деньги или даже если не хватает курицы в обед. Но когда это касается духовного мира — мы не знаем, как это должно выглядеть. И именно здесь нужно остановиться и поразмышлять. Потому что тогда становится ясно — что у нас есть духовная боль. И немалая. Но мы просто не умеем называть её по имени.

Чувство = результат понимания

И вот мы подходим к принципиально важной точке: невозможно создать чувство (אי אפשר לייצר רגש). Чувство — всегда результат понимания (רגש הוא תמיד תוצאה של הבנה).

Как радость не рождается сама по себе, а возникает из признания достижения. Человек завершил трактат — он радуется, если он понимает и ценит достигнутое. Так и в «бейн ha-мецарим» (בין המצרים) — не надо гоняться за чувством, надо углублять понимание. Понять, чего не хватает. А когда понимаешь — чувствуешь.

Это и есть глубина траура: когда Шхина в изгнании — и мы падаем вместе с ней.

Точно так сказали мудрецы: «Когда народ Израиля пребывает в страданиях — что говорит Шхина? Невыносимо Мне за голову

Мою, невыносимо Мне за руку Мою...» — здесь есть взаимная боль. И твоя боль — это часть изгнания.

У каждого есть своя боль — и сердце знает

У каждого авреха, у каждого бахура — есть что-то, что болит, не хватает, составляет личную проблему: у одного — добродетели, душевные качества (המידות), у другого — нескромность глаз (שמירת העיניים), у третьего — память в учёбе, у четвёртого — воспитание детей, или молитва, или атмосфера в доме. И все они чувствуют в сердце: «я не хотел бы, чтобы это было так». Но вместо того чтобы перевести это в боль по Шхине — мы просто сжимаемся. Обвиняем себя. А ведь это и есть результат изгнания Шхины, и наша задача — прежде всего признать это: «мне не хватает, мне больно, я ищу связь». Это и есть траур.

Так что же такое траур по разрушению Храма?

Со всем, что сказано — теперь можно понять, чего на самом деле мы ищем (מבקשים) в эти дни трёх недель, и вообще в каждой молитве, когда мы многократно упоминаем изгнание и избавление: «Построй Иерусалим, город святости» (בונה ירושלים), «Да узрят глаза наши возвращение Твоё в Цион» («עיר הקודש»), «Строит Иерусалим Всевышний, собирает рассеянных народа Израиля» (בונה ירושלים ה' נדחי ישראל) («יכנס»).

Мы не ищем слёз. Мы не ищем драмы. Мы хотим распознать то, что нам уже больно — и дать этому имя. Мы хотим понять, что когда нам тяжело в молитве, когда мы не можем встать вовремя, когда трудно в учёбе или в вере — это не только «мы». Это мир в нехватке. Это изгнание. Это разрушение Храма. Наше состояние — это результат отдаления Шхины. И личная боль — это самое сильное соединение с истинным трауром.

Это не происходит само — это требует времени

Скажу тебе про себя: сейчас, пока я говорю с тобой, я посвятил немного времени, чтобы снова подумать об этом — даже если до этого я ничего не чувствовал — вот сейчас я ощущаю связь с разрушением. Я не поднялся внезапно на духовный уровень. Я просто уделил этому время. Это так просто, что почти скрыто (זה כל כך פשוט, שזה כמעט נסתר). Не нужно быть на высокой ступени. Не нужно глубоких постижений. Только остановиться. Подумать. Поговорить об этом. И вдруг — душа откликается. Она там всё время. Просто мы не дали ей место. Поэтому в общем — мудрецы установили нам для этого три недели как время размышления, и также все молитвы и просьбы — но главное это понять, что речь идёт не о чём-то «возвышенном», а о боли, знакомой нам каждый день. И как только понимаешь, что наша боль — это крик к Б-гу — уже не идёт речь об унынии. Речь идёт о великой любви. Любви, которая плачет слезами тоски: «Владыка мира! Мы хотим Тебя рядом» — из этого рождается избавление.

Итог

Траур — это не буря эмоций. Траур — это понимание состояния. И если я понял — даже без слёз — я уже там. «Бейн ha-мецарим» — это не только три недели. Это напоминание о том, что весь год — мы ищем настоящую связь с духовностью. И если мы научимся называть духовную боль по имени, если поймём, что это признак нашей связи, если просто согласимся сказать: «И верни службу в Святая Святыя Дома Твоего» (והשב את העבודה), что на нашем языке звучит как: «Аба, вернись уже домой» —

то мы уже на пути к избавлению и строительству Вечного Дома. В скором времени, во дни наши.

Аһарон бен Аһрам, скончался 1 ава 2488 года

В нашей недельной главе — Масей — упоминается смерть Аһарона ha-Kohen, любящего Израиль (אוהבם של ישראל), как сказано (Бемидбар 33:38): «И взойшёл Аһарон ha-Kohen на гору hahar по повелению Всевышнего и умер там, в сороковой год после выхода сынов Израиля из земли Египет, в пятый месяц, в первый день месяца» (ועל אהרן הכהן אל הר ההר על פי הי וימת) «שם בשנת הארבעים לצאת בני ישראל מארץ מצרים (בחדוש החמישי באחד לחודש)». Во всей Торе — от Берешит до слов «на глазах у всего Израиля» (לעיני כל ישראל) — не упоминается день смерти ни одного праведника. Почему же это сделано именно в его случае? Так или иначе, Аһарон ha-Kohen, любящий народ Израиля, был увековечен на поколения как «учитель» (דרבם) всех, кто любит Израиль, как учит нас мишна в трактате Авот (1:12): «Говорил Гилель: будь из учеников Аһарона — люби мир, стремись к миру, люби творения [людей] и приближай их к Торе» (היו מתלמידיו של אהרן אוהב שלום ורודף שלום אוהב את «הבריות ומקרן לתורה»). Именно поэтому, когда умер Аһарон ha-Kohen, весь народ Израиля поднял голос и горько плакал о нём, как сказано в главе Хукат (Бемидбар 20:29): «И оплакивал Аһарона тридцать дней весь дом Израиля» (ויבכו את אהרן שלושים יום כל) «בית ישראל». Весь дом Израиля плакал, потому что каждый чувствовал его великую любовь. И в ответ на эту любовь они тоже возлюбили его сильно и глубоко — и горько оплакивали его смерть.

Но вот, когда умер Аһарон ha-Kohen, его оплакивал и произнёс надгробную речь его брат Моше Рабейну, мир ему, такими словами: «Увы мне по тебе, Аһарон, брат мой — опора молитвы народа Израиля» (ו"י תרגום יונатан там же). Выходит, что главное его звание — это «опора молитвы всего Израиля».

И действительно, образ Аһарона ha-Kohen — это не только образ «любящего мир». Он был также и первосвященником, приносившим жертвы в Бейт ha-Микдаш, тем, через кого осуществлялась связь между народом и их Отцом на небесах. Когда вспыхнул мор — он встал с совком горящих благоволий (кторет) «между живыми и мёртвыми» — и снова, в силу его заслуг, был остановлен приговор.

Будут трактовать законы по твоему суду

Однако есть в нём ещё одна удивительная сторона — Аһарон был не только человеком молитвы и мира, но и выдающимся мудрецом и учителем Торы. Об этом свидетельствует пророк Малахи (2:5-7): «Союз Мой был с ним — жизнь и мир, и Я дал их ему, и страх предо Мною был на нём, и он благоговел пред именем Моим. Закон истинный был в его устах, и кривды не было на губах его. В мире и прямоте ходил он со Мною,

и многих отвратил от греха. Ибо уста кохена хранят знание, и Тору ищут от уст его, ибо он — ангел Б-га воинств» (בריתי היתה איתו) — החיים והשלום, ואתנם לו מורא ויראני, ומפני שמי נחת הוא. תורת אמת הייתה בפהו, ועוולה לא נמצאה בשפתיו, בשלום ובמישור הלך איתו, ורבים השיב מעוות. כי שפתי כהן ישמרו דעת ותורה יבקשו מפיהו — כי מלאך הוא (ה' צבאות הוא). На первый взгляд, разве передача Торы — это не удел Моше Рабейну? Однако, когда Тора рассказывает о послании Моше к фараону, она пишет: «Они, говорившие к фараону — это Моше и Аһарон» (שמות 6:27), и учат мудрецы: «Учим отсюда, что они были равны» (מלמד ששקולים היו שניהם). Наши мудрецы разъясняют (Назив из Воложина в своём комментарии, а также Хозе из Люблина в «Диврей Эмет», Бемидбар), что хотя Моше обладал высшей ступенью в передаче слова Всевышнего, у Аһарона была не менее решающая и дополняющая роль.

Шошвина d'Малка и Шошвина d'Матронита

Zohar ha-Kadoш раскрывает глубокое различие между Моше и Аһароном в терминах хупы между Всевышним и народом Израиля: Моше — «шошвина d'Малка» (שׁוֹשְׁבִינָא «приближённый Царя»), Аһарон — «шошвина d'Матронита» (שׁוֹשְׁבִינָא «приближённый Царицы»). Моше представляет, как бы, сторону Всевышнего перед народом — он спускает Б-жественное слово, передаёт истину сверху вниз. А Аһарон представляет народ перед Всевышним — он возносит их молитвы, их жертвы, их желания. Он приносит, умиляет, уповает. Он — верный защитник, благодаря которому Всевышний пребывает в стане Израиля. И потому понятно, что главная сила Аһарона — в молитве. Ведь вся его суть — это приближение к Всевышнему, поднятие боли народа вверх. Он был опорой молитвы поколения.

Жизнь сиюминутная и жизнь вечная

Мудрецы (по Шаббат 10 и Акеда, врата 35) различают между двумя уровнями духовности:

Жизнь вечная (חיי עולם) — Тора, заповеди, духовный труд и Жизнь сиюминутная (חיי שעה) — всё, что касается насущных нужд человека: заработок, здоровье, дожди.

Когда Моше просил дать пропитание народу — ман выпадал в его заслугу, так как он выражал нисходящее пробуждение (איתערותא דלעילא). Но жертвоприношения, молитвы, мольбы, защита — всё это было поручено Аһарону. И потому, когда умер Аһарон — боль народа была незамедлительной и глубокой, потому что он был тем, кто заботился о них в повседневности, об их покое, благе, сердцах. И хотя Моше

отстаивал истину, простой человек сначала ощущает того, кто его понимает, кто его по-настоящему любит. Поэтому сказано: «И оплакивал его весь дом Израиля». Это из слов наших мудрецов.

Тору ищут

Аһарон ha-Kohen не действовал в одиночку. Вся его суть — включать в себя многих: в искуплении, в молитве, в изучении Торы. Ибо и в самой Торе сказано: «Человек учится только от учителя, который объясняет ему с добром» (אין אדם לומד אלא מרב שמסביר לו פנים),

как сказано у мудрецов (Мехильта на Итро и мидраш о даровании Торы): когда Всевышний учил с Моше Письменную Тору — это было с суровым выражением Лица, а Устную Тору — с доброй улыбкой, ведь для объяснения устного учения нужна доброта, терпение, диалог, потому что только так можно внедрить истину Торы в душу и сердце ученика (см. Ритва, Макот 10). Аһарон умел объяснять с добром, привлекать, благодетельствовать. Поэтому и его слова Торы были приняты, любимы, объединяли. Так удостоился Аһарон, что через связь и объединение, которое и есть суть молитвы, он соединил три основы: Всевышний, Израиль и Тора — в одно целое. Он был срединным столпом, соединяющим, объединяющим, приближающим. Поэтому о нём сказано: «И многих отвратил от греха» (ורבים השיב מעוות) (Малахи).

Назвали его Алон Бахут (Дуд Плача)

Вернёмся к вопросу: почему именно день его смерти записан в Торе? Можно объяснить это на основе слов мудрецов: «И называли его Элон Бахут (Брейшит 35:8)» — и приводит Раши: здесь намекнули на смерть праматери Ривки, но не раскрыли её напрямую, чтобы не проклинали её за то, что она родила Эсава. Так и здесь — у любого человека, даже у праведника, найдутся обвинители и придирки, и потому обычно день смерти не упоминается явно. Но единственный, о ком сказано «и оплакивал его весь дом Израиля» — это Аһарон. И потому день его смерти написан явно — чтобы наоборот: его память была раскрыта, и этот день стал днём учёбы, соединения и укрепления по его пути. Пусть Всевышний поможет нам укрепиться вместе в этот день, держаться за столп молитвы с удвоенной силой — из любви к Всевышнему, к народу Израиля и к святой Торе.

И тогда мы тоже удостоимся соединить три столпа мира — Тору, службу и добрые дела — и поистине стать учениками Аһарона: любящими мир, стремящимися к миру, любящими творения — и приближающими их к Торе.